

"Like Behind a Stone Wall": Involved Fatherhood in the Context of Maternal Self-Realization Opportunities

I. A. Simonova¹, A. V. Shvetsova¹, M. S. Krivoshchekova¹

¹Ural State Pedagogical University, 26 Kosmonavtov Ave., Yekaterinburg, 620017, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2023-1-102-113

Research article
Full text in Russian

Involved Fatherhood is in the focus of researchers' attention because of the background of a general changes in the structure of gender roles in the modern Russian family, however, a number of blind spots remain in the study of this problem. Thus, it is relevant to analyze the mutual influence of involved fatherhood and mothers' practices, including how the father's activity changes the mother's trajectories and well-being. The presented study aims to analyze the involved fatherhood as a factor that positively affects the social opportunities of a woman in the first years of motherhood. The research methodology is based on the theory of the social construction of gender, the social topology of P. Bourdieu, the concept of non-maternal practices of mothers (sustainable social practices of a woman that are determined by the complex situation of caring for young children, but are not directly related to caring for them). Based on the analysis of 720 accounts of young mothers in social networks, 230 statements of mothers on thematic forums, and 10 in-depth interviews (5 married couples, men in which are actively involved in the child care process), it was found that fatherhood is an important factor in the implementation of non-maternity practices, including that have an economic effect and a transitive potential for a woman. This and the orientation of a woman to preserving her subjectivity through the implementation of non-maternal practices creates some conditions (financial, timing, functional) for greater inclusion of fathers in the processes of care and upbringing. The main motive for the involvement of men is the orientation towards the interests of the child and the subjective experiences of the fatherhood. However, the effect of support is highly appreciated by mothers as a factor determining the expansion of women's social opportunities, their material and psychological well-being.

Keywords: fatherhood; involved fatherhood; motherhood; gender studies; modern parenthood; non-maternal practices

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Simonova, Irina A. | E-mail: luboe05@mail.ru
ORCID iD: 0000-0002-2794-1009
Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor

Shvetsova, Anastasia V. | E-mail: shvetsovaav@mail.ru
(correspondence author) | Cand. Sc. (Sociology)

Krivoshchekova, Marina S. | E-mail: kmsolimp@mail.ru
Cand. Sc. (Pedagogics), Associate Professor

Funding: Russian Science Foundation (project No. 22-28-00636).

For citation: Simonova I. A., Shvetsova A. V., Krivoshchekova M. S. "Like Behind a Stone Wal": Involved Fatherhood in the Context of Maternal Self-Realization Opportunities// Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2023. Vol. 9, No 1. P. 102-113. (in Russ.)

© Yaroslavl State University, 2023

This is an open access article under the CC BY license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

«Как за каменной стеной»: вовлеченное отцовство в контексте возможностей материнской самореализации

И. А. Симонова¹, А. В. Швецова¹, М. С. Кривошекова¹

¹Уральский государственный педагогический университет, пр. Космонавтов, 26, Екатеринбург, 620017, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2023-1-102-113
УДК 316.346.2

Научная статья
Полный текст на русском языке

Вовлеченное отцовство оказывается в фокусе внимания исследователей на фоне общего изменения структуры гендерных ролей в современном российской семье, однако в исследовании этой проблемы сохраняются слепые зоны. Актуальным является анализ взаимного влияния вовлеченного отцовства и практик матерей, в том числе то, как активность отца меняет траектории и самочувствие матери. Цель представленного исследования – анализ вовлеченного отцовства как фактора, положительно влияющего на социальные возможности молодых матерей. Методологию исследования составляют теория социального конструирования гендера, социальная топология, оригинальная концепция «нематеринских» практик матерей. На основании анализа 720 аккаунтов молодых матерей в социальных сетях, 230 высказываний матерей на тематических форумах, и 10 глубинных интервью (5 семейных пар, мужчины в которых активно включены в воспитательный процесс) установлено, что отцовство выступает важным фактором реализации нематеринских практик, в том числе имеющих экономический эффект и транзитивный потенциал для женщины. При этом и ориентация женщины на сохранение своей субъектности через реализацию нематеринских практик создает условия (финансовые, временные, функциональные) для включения отцов в процессы ухода и воспитания. Основным мотивом вовлечения мужчин является ориентация на интересы ребенка и субъективные переживания опыта отцовства. Однако эффект поддержки получает высокую оценку матерей как фактора, определяющего расширение социальных возможностей женщин, их материального и психологического благополучия.

Ключевые слова: отцовство; включенное отцовство; материнство; гендерные исследования; современное родительство; нематеринские практики

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Симонова, Ирина Александровна | E-mail: luboe05@mail.ru
ORCID iD: 0000-0002-3379-1959
Кандидат философских наук, доцент, научный сотрудник

Швецова, Анастасия Владимировна | E-mail: shvetsovaav@mail.ru
(автор для корреспонденции) | Кандидат социологических наук, старший научный сотрудник

Кривошекова, Марина Сергеевна | E-mail: kmsolimp@mail.ru
Кандидат педагогических наук, доцент

Финансирование: Российский научный фонд (грант № 22-28-00636 «Современные «нематеринские» практики молодых матерей: репертуар, потенциал и общественный риск»).

Для цитирования: Симонова И. А., Швецова А. В., Кривошекова М. С. «Как за каменной стеной»: вовлеченное отцовство в контексте возможностей материнской самореализации // Социальные и гуманитарные знания. 2023. Том 9, № 1. С. 102-113.

Введение

Вовлеченное отцовство представляет собой один из аспектов современного родительства, который отражает тенденцию усиления включенности отцов в процесс воспитания, в том числе увеличения совокупного времени, проводимого с детьми для решения детских вопросов, расширения спектра практик (бытовых, образовательных, воспитательных, развивающих, рекреационных, направленных на заботу о здоровье), а также стремления повышать собственную родительскую компетентность. Вовлеченное отцовство признается исследователями маркером трансформации гендерной системы и рассматривается на контрасте с традиционным отцовством, для которого характерна по большей части экономическая составляющая [1; 2], разбавленная элементами развлекательной и дисциплинарной функции. Можно выделить ряд актуальных исследований, посвященных новым нормам отцовства, в которых описываются значительные привилегии детей вовлеченных отцов по сравнению с детьми, воспитываемыми в рамках традиционной семейной модели. В частности, речь идет о развитии когнитивных навыков [3], языковых способностей [4], лучших показателей здоровья [5], психической устойчивости [6]. Также появились исследования, посвященные получению отцами удовольствия от воспитательного процесса и самоэффективности мужчины-отца [7; 8], развитию депрессии у мужчин, принимающих на себя роль отца-домохозяина [9]. При этом современная наука почти не располагает информацией о том, как вовлеченное отцовство влияет на социальное самочувствие матери ребенка, в какой степени оно отражает ее потребности и определяет жизненные траектории. Также недостаточно исследованным остается влияние нематеринских практик матерей на интенсивность вовлеченного отцовства.

Для решения интересующего нас вопроса обратимся к феномену вовлеченного отцовства в разрезе тех действий и состояний, которые способствуют нематеринским практикам молодых матерей, позволяя им находить баланс между стремлением быть «достаточно хорошей матерью» в рамках актуальной нормативной модели и потребностями – социальными, экономическими, психологическими – как субъекта социальных отношений. Это определяет цель статьи – исследовать вовлеченное отцовство как фактор, который положительно влияет на социальные возможности женщины в первые годы материнства.

Новизна данной работы заключается в попытке осмыслить те эффекты вовлеченного отцовства, которые традиционно не учитываются при анализе трансформаций родительства. Для этого обратимся к методологии социального конструирования гендера, взяв за основу вариативность и изменчивость ролевых моделей мужчин и женщин. Кроме того, мы ориентируемся на бурдьевистскую оптику [10; 11], чтобы показать, что возможность успешной самореализации молодой матери на различных полях социального взаимодействия определена доступными для нее ресурсами, в том числе уровнем образования, психологической готовностью и временем, которым она располагает. Наконец, используем собственные наработки [12; 13], позволяющие идентифицировать и обосновать виды активностей молодых матерей, не связанные напрямую с выполнением родительских обязанностей и ритуалов заботы о ребенке. В частности, обратимся к концепту

«нематеринские практики матерей», который следует понимать как устойчивые виды активностей женщины, реализуемые ею в широком диапазоне сфер общественной жизни, которые обусловлены и определены комплексной ситуацией ухода за детьми раннего возраста и соответствующими изменениями ее хронотопа, коммуникативных позиций и экономического положения, но не имеют непосредственного отношения к заботе о ее ребенке.

Предложенная методология дает возможность научно обоснованной дискуссии о взаимном влиянии тенденций вовлеченного отцовства и материнской субъектности; позволяет осуществить поворот к анализу жизненного мира женщин, который до этого оставался в тени исследований триады «мать – ребенок – отец», и сконцентрироваться на целом комплексе проблем, практическое решение которых невозможно без целенаправленного анализа реальной картины в сфере организации женщинами и мужчинами своего опыта родительства. Для верификации предложенного концептуального аппарата мы выполнили ряд эмпирических шагов. Во-первых, осуществлен анализ 720 принадлежащих молодым матерям аккаунтов в социальных сетях; во-вторых, была собрана и систематизирована база из 230 высказываний матерей на тематических форумах, ресурсах и в сообществах в интернете. Это позволило определить тематическое поле современного материнского сообщества и увидеть, какие виды экономической и социальной активности в нем реализуются. Выявление обширного репертуара материнских практик высветило тот факт, что их массовое существование и развитие было бы невозможно без серьезных изменений в структурах отцовства, притом эти изменения касаются не только системы отношений «отец – ребенок», но и в значительной степени матери ребенка. Чтобы уточнить свои предположения, мы провели 10 глубинных интервью (5 семейных пар, мужчины в которых активно включены в воспитательный процесс). Наиболее характерные высказывания из данных интервью приведены в статье в качестве иллюстрации.

Вовлеченное отцовство и нормативное материнство – конфликт идеологий

Вовлеченное отцовство – крайне сложный для осмысления феномен современных социальных отношений, потому что, во-первых, представляется непростой задачей отделить его от «невовлеченного» или «недостаточно вовлеченного», а во-вторых, понять, какие практики можно встретить в единичных экземплярах, а какие должны рассматриваться в качестве индикаторов новых форм отцовства и реструктуризации маскулинности. Также стоит учитывать, что активное участие мужчин в воспитании детей и уходе за ними не является чем-то новым, характерным только для нынешнего поколения родителей: безусловно, «кормящие папы» были и раньше, но массовый характер это явление, судя по всему, в нашей стране обретает только сейчас.

Современные исследователи придерживаются единого подхода в определении понятия «вовлеченное отцовство», подразумевая под ним непосредственный интерес мужчины к воспитанию своих детей, участие в их жизни, ответственность и заботу. Профессор Елена Рождественская считает, что существует ряд факторов, вли-

яющих на объем и качество присутствия отца в детской жизни, называя среди них внутренние установки, внешние структурные процессы, обусловленные индустриализацией, а также позицию матери детей, которая может как вовлекать мужчину в процессы воспитания и ухода, так и ограничить его участие ролью «кормильца». Также она отмечает, что рост активного отцовства сопровождается увеличением числа семей, где отец полностью отсутствует [2]. Косвенное подтверждение этого мы обнаруживаем и в материалах наших интервью:

У меня четверо детей, старшая абсолютно взрослый, самостоятельный человек, я получаю удовольствие от того, что вижу, как она сама уже принимает решения, берет на себя ответственность. Мне приятно знать, что я научил ее этому, но сейчас она уже действует сама. Но и с маленькими тоже очень важно проводить время, даже еще важнее. Важно установить контакт, от объема общения все зависит. Среди моих знакомых большинство таких отцов, но это, наверное, среда такая. Или может, я сам себя такими людьми окружаю, похожими на меня. Знаю, конечно, что очень много тех, кто не участвует в жизни своих детей или даже контручаствует... то есть как бы есть, но лучше бы не было (м., 42, 4 детей).

Для меня это норма, что муж проводит много времени с детьми. Вернее, не так: мы проводим много времени вместе. Но когда я вижу, что в других семьях это не так, что мамы сидят дома сутками, без работы и без денег, а значит, без прав, а папа если не на работе, то «отдыхает» – мне очень горько за таких женщин становится. Но это их выбор, и пока есть женщины, которые рожают таким мужчинам, – ничего не изменится (ж., 37, 2 детей).

Исследователи отмечают, что отцы и матери становятся все более похожими с точки зрения их ролей, типов поведения, которыми они пользуются в общении с детьми, и количества времени, которое они проводят с детьми, так что теряются основания для отдельных концептов родительского поведения отцов и матерей [14]. Вместе с тем российские ученые настаивают на существенном противоречии образов «настоящего мужчины», характерного для гегемонной маскулинности, и «хорошего отца» в понимании современных принципов и требований к воспитанию [15]. Согласно теории гендерных схем, демонстрация мужчиной сильной эмоциональной привязанности по отношению к кому-либо, в том числе к собственным детям, в традиционных обществах воспринимается как несоответствие норме анти-женственности. Это остается существенным барьером в развитии культуры вовлеченного отцовства и реализации индивидуальных стратегий поведения внутри семьи.

Включенное отцовство входит в некоторое идеологическое противоречие и с традиционной моделью материнского поведения, которое предполагает отказ от привычных профессиональных и досуговых практик в пользу активностей, связанных с уходом за ребенком и его воспитанием. Так, например, языковые исследования обнаруживают смысловую наполненность понятия «материнство» такими единицами, как забота, любовь, самоотверженность, жертвенность, ответственность [16; 17]. Можно отметить, что содержательно понятия «мать» и «женщина» в нашем языке зачатую проявляют себя как синонимы, что указывает на неотъемлемость материнства как основной функции женщины. Фактически норматив-

ная гендерная идентичность женщин в нашем обществе связана с материнством, это закреплено в языковой картине мира россиян.

Таким образом, можно увидеть устойчивое социальное ожидание: российская женщина обязана жертвовать всем (карьерой, личными интересами, хобби) ради заботы о ребенке, поскольку это ее предназначение. При этом следует учитывать, что то, как в каждом конкретном случае наполняется для женщины понятие материнства, связано с постоянным «самонаблюдением» матери, т. е. оценением себя по отношению к другим и к декларируемым требованиям, которые несколько запутаны: «нормальная» материнская забота четко не определена, но ожидается [18]. Ориентируясь на воспроизводство ожидаемой от женщины нормативной модели, она нередко берет на себя базовый комплекс практик заботы, отказываясь при этом от ряда привычных социальных практик, в том числе обязанностей, связанных с заработком. Фактически в этом случае происходит отчуждение мужчины от практик заботы: с одной стороны, женщина уже выполняет основные задачи, для мужчины в этом секторе не находится регулярных обязанностей, а с другой – на него также ложатся обязательства, традиционно ассоциируемые с ролью мужчины – обеспечение экономической стабильности. Он в этом случае несет увеличенную нагрузку, связанную с поддержанием необходимого экономического уровня семьи. Это означает, что для реализации модели вовлеченного отцовства (в совокупности тех ключевых признаков, которыми оно обычно описывается) он вынужден будет испытывать большую нагрузку, и наряду с повышенной нагрузкой по поддержке финансового положения семьи ему придется жертвовать своим личным временем. Такая избыточная нагрузка кажется не вполне уместной, если женщина уже выполняет задачи заботы о ребенке.

Таким образом, можно заключить, что возможности для реализации модели включенного отцовства диктуются не только общими информационными контекстами и желанием отца больше включаться в процессы ухода за малышами. Большую роль играет тандем отцовской модели с моделью, воспроизводимой матерью: в отношениях взаимопредопределения отцовское и материнское поведение предполагают нахождение баланса распределения функций, где выполнение определенных групп функций одним родителем высвобождает время другого, но которое другой, в свою очередь, использует для выполнения других функций. Также такая командная работа положительно влияет на отношения партнеров в семье. Отсутствие же баланса с отклонениями в обе стороны приводит к конфликтам и даже к распаду семьи [19].

Попытка разрешить это противоречие состоит в обосновании типологических особенностей отцовства, разграничении различных его проявлений и определении соответствующих ему типов материнства. Одна из наиболее удачных классификаций отцовства включает следующие его вариации:

- Традиционный кормилец – ориентирован на рождение детей, предоставление материальных ресурсов и защиту семьи; при этом отцовство нерефлексивно, оно воспринимается как дополнительная деятельность в разрезе полоспецифического разделения труда с естественно понимаемыми различиями между мужчиной

и женщиной. Не стремится к ответственности, совместным играм и разговорам с детьми, общим событиям и переживаниям.

- Модерный кормилец, который наряду с классическими функциями обеспечения и защиты строит тесные отношения с детьми; основная ответственность за уход за детьми и их воспитание, равно как и домашний труд, лежит на жене. Его отличает попытка индивидуального пересмотра роли отца.

- Целостный, комплексный отец, взаимозаменяемый с матерью. Для него отцовство приобретает черты важного «проекта» в жизни, ценность ребенка эмоционально обоснована. Характеризуется интенсивным присутствием, предметной ответственностью и занятостью в повседневности ребенка и семьи в целом. Эгалитарный отец делит обязанности по обеспечению семьи и воспитанию детей с партнершей пополам, его сопровождает партнерша, равно участвующая в пополнении семейного бюджета.

- Отсутствующий отец – модель, возникающая вследствие отклонения заботы о последующем поколении [2].

Можно также дополнить данную типологию еще одним типом «Отец – основной родитель», где мужчина выполняет максимум функций, связанных с заботой о ребенке, а мать в меньшей степени участвует в воспитании или полностью уклоняется от выполнения родительских функций.

Опираясь на предложенную типологию, можно сформулировать и соответствующие ей типы материнства, выделенные по критерию баланса вовлеченности матери относительно отца в практики родительства:

- Традиционная мать – ориентирована на полный спектр задач по заботе о детях, стремится к ответственности, совместным играм и разговорам с детьми, общим событиям и переживаниям. Не ожидает от мужчины помощи в этих вопросах или имеет минимальные притязания. Не предъявляет партнеру таких требований.

- Модерная мать – несет ответственность за уход за детьми и их воспитание, равно как и домашний труд. Делегирует партнеру лишь отдельные функции, связанные с уходом и воспитанием в небольшом объеме.

- Активная мать-партнер. Мать характеризуется равной ответственностью и занятостью в повседневности ребенка и семьи в целом и делит обязанности по обеспечению семьи и воспитанию детей с мужем. Участвует в пополнении семейного бюджета, решении бытовых проблем.

- Моно-мать – полностью или практически полностью выполняет как все задачи по заботе о ребенке, так и функции содержания семьи, бытовое ее обеспечение. Отец при этом игнорирует всякие обязанности или вообще отсутствует.

- Отсутствующая мать – преимущественно или полностью игнорирует выполнение функций по заботе о ребенке. Либо полностью отвергает обязанности ухода и воспитания, либо выполняет их в минимальном объеме, а в это время работает или занимается реализацией каких-либо личных потребностей.

Можно отметить, что степень вовлеченности одного из родителей в значительной степени регулирует возможности другого родителя как в части возможностей для включения другого в практики ухода, так и в его возможностях для реализации в других сферах жизни (карьера, учеба, хобби, коммуникации и др.). Для женщин

это означает, что наряду с практиками заботы вовлеченное отцовство дает ей возможность реализовывать нематеринские практики, а мужчина получает меньшую нагрузку экономического характера. Также возможность сохранения личного времени позволяет женщине справиться с проблемами психологического характера, что положительно сказывается на качестве жизни семьи:

Муж сразу много заботился о ребенке, подстраховывал меня. Я за время декрета прошла переподготовку, провела 2 прибыльных проекта. Из отпуска благодаря этому сразу вышла на новую работу с хорошей зарплатой и не сошла вообще с ума за эти пару лет! Я этим всем очень ему обязана, потому что он брал и сейчас берет много на себя. И ему не пришлось пахать за двоих, и для ребенка он отец, а не какой-то дядя незнакомый. Кажется, что это всех устраивает (ж., 38 лет, 1 ребенок).

«Нематеринские» практики: потенциал насыщения семейного тандема

Изменение ритма жизни, структуры социального пространства и схем взаимодействия становится значимым новообразованием в жизни современной женщины в связи с рождением ребенка. Ограничение свободы действий во времени и пространстве также означает профессиональную паузу и в определенном смысле утрату субъектности, поскольку многие роли и действия становятся для нее временно недоступными. В традиционных обществах основной сферой женской активности была организация быта, и рождение детей не вносило особых изменений в этот уклад. Но для современных женщин, особенно жительниц мегаполисов, достигших определенных образовательных и карьерных результатов, эта ситуация сложна, что фиксируют многочисленные исследования, посвященные состоянию постродовой депрессии [20; 21; 22]. Это формирует условия для развития практик самореализации женщин, не связанных напрямую с выполнением их материнских функций, которые традиционно преобладают в структуре времени женщин, имеющих детей дошкольного возраста, особенно до достижения ими трех лет.

Для исследования таких практик в научный дискурс нами было введено понятие «нематеринские практики материнства». В зависимости от предполагаемого контекста использования и целей высказывания мы предлагаем два взаимодополняющих определения данного феномена. Первое основано на социологическом видении причин и следствий нематеринских активностей и сформулировано как «совокупность действий женщин в период декретного отпуска, направленных на удовлетворение социальных, экономических, психологических потребностей и возникающих вследствие отмены привычного ритма жизни». Второе определяет данные практики как «устойчивые виды активностей женщины, реализуемые ею в широком диапазоне сфер общественной жизни, которые обусловлены и определены комплексной ситуацией ухода за детьми раннего возраста и соответствующими изменениями ее хронотопа, коммуникативных позиций и экономического положения, но не имеют непосредственного отношения к заботе о ее ребенке». Во втором случае за основу берется утверждение о смене социального времени-пространства женщины, включающего не только и не столько коренные изменения ритмов жизни и физических локаций, но и смену конституирующих и властных дискурсов, ценностных и этических установок.

Проведенное авторами исследование позволило выполнить построение теоретического проекта классификации нематеринских практик матерей. На основании анализа аккаунтов молодых матерей в социальных сетях (N=720) мы разработали классификацию онлайн-практик, направленных на получение экономического эффекта. В основе классификации лежит принцип доминирующей агентности – реальной или виртуальной, на основании чего были выделены две группы. Особенностью первой группы является выбор практик, направленных на создание продукта или оказание услуг в непосредственном взаимодействии с потребителем. Социальная сеть выступает как способ продвижения товара или услуги. Как правило, аккаунт представляет собой информационную поддержку существующему делу, профессии, увлечению. К первой группе относятся следующие виды активностей: производство продуктов питания, изготовление одежды, парикмахерские и косметологические услуги, образование и творчество. Вторая группа сосредоточена на непосредственном использовании цифровой среды как экономического ресурса (блоггерство, онлайн-консультации, сетевой маркетинг). Большинство практик основаны на стремлении женщин к общению, к самореализации и заработку, что объяснимо с точки зрения гендерного анализа и экономических реалий.

На основании анализа высказываний женщин удалось выделить такие критерии для типологизации практик, как:

1. Сфера реализации: в какой области деятельности лежит данная практика.
2. Наличие экономического эффекта и его востребованность.
3. Социальная организация практики: коллективная / индивидуальная, в семье / с внешними партнерами / с друзьями.
4. Психологическая функция практики: развлечение / снятие стресса / самореализация.
5. Устойчивость практики во времени: продолжается / не продолжается.
6. Наличие транзитивного эффекта (изменения карьерной стратегии, социального окружения и пр.).

Проведенный анализ показал, что многие виды практик имеют высокий потенциал монетизации. Спрос на услуги и продукцию, производимую в рамках практик, формируется раньше, чем женщина осознает предложение. Имея возможность уделять определенное время реализации «нематеринской» практики, женщина постепенно выходит на реализацию производимых ею товаров или услуг. Было выявлено, что мотивация женщин чаще психологическая, чем финансовая. Однако открывающаяся возможность зарабатывать высоко ценится женщинами и способствует улучшению их социально-психологического самочувствия. Кроме того, заработок положительно влияет как на текущее положение семьи в материальном плане, так и на «постдекретную» историю многих матерей: некоторые из них меняют сферу профессиональной деятельности именно благодаря активностям, которые начали практиковать в процессе ухода за ребенком. Было установлено также, что благодаря своим активностям женщины обрастают социальным капиталом, становятся более субъектными как граждане и горожане.

Отметим, что женщины много учатся: они прибегают как к формальным, так и к неформальным образовательным практикам. Важно, что степень выражен-

ности нематеринских практик, согласно мнению женщин, связана с фактором мужской включенности. Женщины отмечают даже, что некоторые начинания поначалу не были поддержаны, но позднее мужа замечали их перспективность и начинали поддерживать жен, освобождая для них больше времени. Понятно, что подобные ситуации не всегда приводили к увеличению интенсивности отцовства, однако нельзя отрицать, что перераспределение функций стимулировало отцовские практики, что позволяет сделать заключение о том, что нематеринские практики матерей создают благоприятные условия для реализации модели вовлеченного отцовства, но не гарантируют его. При этом наличие вовлеченного отца выделяется как важнейший фактор для реализации нематеринских практик.

Мы полагаем, что причиной асимметрии является как ориентация вовлеченных отцов прежде всего на субъективные переживания, связанные с опытом общения с ребенком, акцентом на любовь к нему и чувство ответственности, так и общая недооценка потенциала нематеринских практик для экономической и коммуникативной характеристик состояния семьи:

Они же потом вырастут – и мы им не нужны будем уже со своей заботой. Моя жена постоянно об этом говорит. А сейчас для меня важно видеть, как они растут, учатся говорить, ходить, читать... На велосипеде покататься, на санках вот зимой – нам весело вместе. Я просто счастлив от этого (м., 36, 2 детей).

У меня двое детей от разных браков, но я не могу сказать, что люблю их одинаково. Со старшим я почти не проводил время, я к нему так не привязан, как к младшему. Я стараюсь учесть и исправить те ошибки, которые делал в воспитании старшего. Больше времени и сил уделяю сейчас ребенку, стараюсь лучшую школу для него обеспечить, путешествия, развивашки всякие. Я от этого получаю моральное удовлетворение... Среди моих друзей таких пап большинство. Многие очень активно занимаются детьми, причем с рождения. Например, мама врач и дежурит – там без вариантов, папа все делает – и моет, и готовит. Хотя, конечно, много и таких, которых дети не интересуют в принципе. Даже вот я по-разному себя веду с детьми (м., 39, 2 детей).

Любишь потому что ребенка, хочешь чтобы он был самый лучший, вот и занимаешься. Интересно с ним... У жены остается больше времени, да. Но это какая-то такая история, неважная. Не для этого же это делаешь (м., 37, 1 ребенок).

Заключение

Подводя итоги, отметим, что вовлеченное отцовство выступает важным фактором для реализации нематеринских практик, в том числе имеющих экономический эффект и транзитивный потенциал для женщины. Вместе с тем и ориентация женщины на сохранение своей субъектности через реализацию нематеринских практик создает некоторые условия, в том числе и финансовые, для большего включения отцов в процессы ухода и воспитания. Тот факт, что основным мотивом вовлечения мужчин является ориентация на эмоции, получаемые в процессе общения, а также на ответственность за ребенка, и вместе с тем высокая оценка матерями возможностей, которые дает ей это включение, предположительно связан с общим отсутствием данных о потенциале нематеринских практик матерей, сла-

бая распространенность представлений о ценности последних для семьи и ситуации в обществе в целом. Также достаточно сдержанная оценка таких практик в общественном дискурсе связана с отсутствием понимания связей, присутствующих между условиями для мужчин, создаваемых женщинами, и складыванием порядков профессиональной и «отцовской» жизни мужчин. Необходимо дальнейшее исследование феномена вовлеченного отцовства в контексте репертуара и схем/опыта реализации матерями нематеринских практик в период ухода за детьми раннего возраста.

Ссылки

1. Чернова Ж. В. Репрезентации отцовства: социологический анализ блогов // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2018. Том 10. № 15. С. 6–23. DOI: 10.19181/inter.2018.15.1
2. Рождественская Е. Ю. Вовлеченное отцовство, заботливая маскулинность // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С. 155–185. DOI: 10.14515/monitoring.2020.5.1676
3. Baker C. E. Father-son relationships in ethnically diverse families: Links to boys' cognitive and social emotional development in preschool // Journal of Child and Family Studies. 2017. Vol. 26. № 8. P. 2335–2345. DOI: 10.1007/s10826-017-0743-3
4. Conica M., Nixon E., Quigley J. Fathers' but not mothers' repetition of children's utterances at age two is associated with child vocabulary at age four // Journal of Experimental Child Psychology. 2020. Vol. 191. P. 104738. DOI: 10.1016/j.jecp.2019.104738
5. Development and validation of a father involvement in health measure / C. F. Garfield, S. D. Fisher, D. Barretto, J. Rutsohn, A. Isacco // Psychology of Men & Masculinities. 2019. Vol. 20. № 1. P. 148–160. DOI: 10.1037/men0000144
6. Allgood S. M., Beckert T. E., Peterson C. The Role of Father Involvement in the Perceived Psychological Well-Being of Young Adult Daughters: A Retrospective Study // North American Journal of Psychology. 2012. Vol. 14. № 1. P. 95–110.
7. Aytuglu A., Brown G. L. Pleasure in parenting as a mediator between fathers' attachment representations and paternal sensitivity // Journal of Family Psychology. 2022. Vol. 36. № 3. P. 427–437. DOI: 10.1037/fam0000905
8. Donithen R., Schoppe-Sullivan S. Correlates and predictors of parenting self-efficacy in new fathers // Journal of Family Psychology. 2022. Vol. 36. № 3. P. 396–405. DOI: 10.1037/fam0000910
9. Stay-at-home fathers, depression, and help-seeking: A consensual qualitative research study / W. Caperton, M. Butler, D. Kaiser, J. Connelly, S. Knox // Psychology of Men & Masculinities. 2020. Vol. 21. № 2. P. 235–250. DOI: 10.1037/men0000223
10. Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть // Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии. СПб.: Алтейя, 2007. С. 64–87.
11. Азаренко С. А. Социальная топология в современном общественном сознании // Социальная философия и опыт современного общественнознания: к 40-летию философского факультета. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2005. С. 55–72.
12. Онлайн-практики экономического поведения российских женщин в период декретного отпуска / А. В. Швецова, И. А. Симонова, А. Г. Оболенская, М. С. Кривошекова // Экономическая социология. 2022. Т. 23. № 4. С. 12–36. DOI: 10.17323/1726-3247-2022-4-12-36

13. Швецова А. В., Кривощёкова М. С. Сценарии нематеринских практик молодых российских матерей // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28. № 2S. С. 96–104. DOI: 10.19181/nko.2022.28.2S.8. EDN PTFZYI
14. Should Researchers Conceptualize Differently the Dimensions of Parenting for Fathers and Mothers? / J. Fagan, R. Day, M. E. Lamb, N. J. Cabrera // J Fam Theory Rev. 2014. № 6. P. 390–405. DOI: 10.1111/jftr.12044
15. Барсуков В. Н., Калачикова О. Н. Предпосылки и ограничения трансформации современного института отцовства // Социальное пространство. 2021. Т. 7. № 1. DOI: 10.15838/sa.2021.1.28.44
16. Багринцева О. Б., Досимова М. С. Фразеологическая объективация концептов «женщина» и «мать» // Гуманитарные исследования. 2020. № 1. С. 32–37. DOI: 10.21672/1818-4936-2020-73-1-032-037
17. Борисенко Т. В. Концепты «мать» и «отец» в русской и англоязычной лингвокультурах // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. Том 437. № 3. С. 47–55. DOI: 10.24411/1994-2796-2020-10306
18. Miller T. «Is this what motherhood is all about?»: Weaving experiences and discourse through transition to first-time motherhood // Gender and Society. 2007. Vol. 21. № 3. P. 337–358. DOI:10.1177/0891243207300561
19. Безрукова О. Н., Самойлова В. А. «Она не мать совсем...»: образы бывших жен в дискурсе разведенных молодых отцов // Социологические исследования. 2020. № 12. С. 116–127. DOI: 10.31857/S013216250013020-5
20. Bipolar disorder, affective psychosis, and schizophrenia in pregnancy and the post-partum period / I. Jones, P. S. Chandra, P. Dazzan, L. M. Howard // Lancet. 2014. Vol. 384. P. 1789–1799. DOI: 10.1016/S0140-6736(14)61278-2
21. Dickens M. J, Pawluski J. L. The HPA Axis During the Perinatal Period: Implications for Perinatal Depression // Endocrinology. 2018. Vol. 159. № 11. P. 3737–3746. DOI: 10.1210/ru.2018-00677
22. Consequences of maternal postpartum depression: A systematic review of maternal and infant outcomes / J. Slomian, G. Honvo, P. Emonts, J. Y. Reginster, O. Bruyère // Women’s Health. 2019. Vol. 15. DOI: 10.1177/1745506519844044